

45 Обзор пословичных речений, использованных у Цицерона (S w o b o d a M. De proverbiis a Cicero adhibitis. S. 45-111), показывает, что рифмовка в них, хоть и редко, но встречается.

46 О проблеме религиозности Горация, которая иногда кажется неразрешимой, говорил в 1989 г. на коллоквиуме в Турку австрийский специалист по истории античной религии В.Пёттер. Публикация доклада ожидается.

47 В словечке гаго, хотя его и можно понимать как литотес, виден, как нам кажется, скептик, с трудом преодолевающий свои сомнения; в "Одах", особенно в высоких одах, Гораций стремится следовать положительному направлению, но и здесь оно дается ему с трудом.

48 В книге В.М.Мокиенко о славянских фразеологизмах различных типов имеются яркие случаи порчи, казалось бы, вполне понятных выражений, например, "довести до белого каления" (Мокиенко В.М. Славянская фразеология. С. 136; ср. С. 129). Остроумные догадки филологов о нелепых искажениях во фразеологизмах приведены в конце статьи К.Рупрехта об античных пословицах (R u p r e c h t K. Porroismus // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1949. Bd XVIII, 4. Sp. 1735).

49 Нечто подобное, изначально менее, а со временем более, чем d.p.l.h., связанное с фразеологией, мы наблюдали на греческой шутке о счастливых-леонтицах, неизменно сидящих за кратерами... Этны (G a v r i l o v A. Die Leontiner Trunkenheit // Eranos. 1986. Vol. 84. S. 127-132).

Н.Д.Численко

FRAELECTIONES HORATIANAE ПЬЕРА ШАБО -
ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ
ТВОРЧЕСТВА ГОРАЦИИ

В истории европейской культуры заметное место принадлежит поэзии Горация. Как явление европейской культуры заслуживает внимания и история горациеведения. К сожалению, по истории ранней горацианы нет специальных исследований. Мы немного знаем даже о ренессансной горациане, хотя Возрождение было эпохой огромного интереса к венецианскому поэту. Вершиной ре-

© Н.Д.Численко, 1992

нессансной горацианы был, несомненно, XVI век. Он отмечен большим влиянием Горация на формирование новолатинской поэзии, высоким читательским и научным интересом к этому писателю. В конце XVI в. был опубликован последний ренессансный комментарий к Горацию - Praelectiones Horatianae (далее - Fr. Hor.) Пьера Шабо¹ (1516-1587), швейцарца по происхождению, патриота "Гельветии", ученика французских гуманистов, ученого и педагога. Дважды этот труд переиздал его соотечественник Жан Жак Грассер.²

По объему Fr. Hor. в первом издании составляет 959 страниц in folio вместе с текстами произведений Горация (около 80% занимает текст самих Praelectiones), еще около ста страниц принадлежит посвячительным посланиям и предисловиям в разных частях этого фолианта, двум жизнеописаниям Горация (одно из Светония, другое - созданное П.Шабо по произведениям Горация и другим источникам), каталогам и индексам. Существовала еще одна книга П.Шабо, посвященная также Горацию, но отличная от Fr. Hor. Vita Chabotii³ в книге Ж.Буассара "Жизнеописание знаменитых ученых мужей",⁴ в переиздании Fr. Hor. 1615 г. и в целом три полных издания Fr. Hor.⁵ - достаточное свидетельство того, что труд Шабо был замечен и оценен современниками.⁶

Опираясь на выводы античной литературной критики и придавая огромное значение авторитетному суждению Квинтилиана о Горации, П.Шабо высоко ценил и то, что "ученейший муж" Франческо Петрарка признал исключительное облагораживающее значение этого римского поэта. П.Шабо ощущал значение поэзии Горация в современной ему культуре. Ему были известны труды многих комментаторов и исследователей Горация, которых он ценил, не терпя критического отношения к ним. Исключения не составляли даже такие выдающиеся филологи, как Франческо Робертелло и Цезарь Скалигер.

Замысел создания Fr. Hor. возник в силу ряда причин. Во-первых, существовала задача дать полный комментарий Горация (П.Шабо выступал против castigatores Горация, которые останавливались перед объяснением ряда мест его поэзии). Во-вторых, ощущалась потребность в целостной интерпретации горацианской поэзии и П.Шабо стремился воссоздать ее "природный блеск": в

одах и эпохах — "удивительную приятность", в сатирах — "серьезное, соединенное со смешным", в посланиях — "соединение сатирического, эпистолярного и философского начал". Он считал Горация поэтом, обладающим исключительным талантом, ученостью и глубоким этическим содержанием. "Внимательное чтение этого поэта будет полезным для каждого", — повторял он.

Как ренессансному филологу XVI в. П. Шабо был присущ ряд особых черт: соединение латинской и греческой образованности, способность обобщать культурные традиции различных эпох и соотносить с проблемами современности, активность педагогических поисков, на первом плане которых было завещанное античной мыслью единство гуманитарного образования и нравственного воспитания. Изучение мира поэзии Горация не случайно стало делом всей жизни П. Шабо, но одновременно он ставил и более общие филологические задачи: "прикровенность истины" и глубина содержания классических авторов требовали, как он полагал, особого внимания и к методике исследования, и к методу преподавания. В русле реформаторской школы Пьера Раме он ставил своей целью *methodice describere et proponere auctores* на основе всей существовавшей в его время *praxis artium* — грамматики, риторики, аналитики (логики и диалектики).⁷ Для лучшего изучения и объяснения античных авторов он один из первых отказывается от смешанного комментария и впервые создает многоаспектный комментарий, о сущности которого говорит в своих посланиях и в развернутом заглавии книги. *Praelectiones* — вид филологического комментария, известный уже учителям П. Шабо, но им обогащенный и дифференцированный по трем аспектам исследования и представляющий, по его словам, новый род или новую форму изъяснения автора. Он объясняет и популяризирует свой необычный метод. Перед циклом сатир, в послании своим давним ученикам, П. Шабо утверждает, что его тройственный комментарий полезнее, чем комментирование произведения *in mole sua*, так как каждый его читатель может выбрать для себя то, что его интересует, и в то же время в результате всего рассмотрения может возникнуть целостная картина. Таким образом, "разделение на три части" оказывается "тройным дарением". Это — логика и диалектика в *Analysis dialectica* (далее — AD),⁸

"грамматика" в *Enarratio grammatica* (далее — En. gr.)⁹ и риторики в *Explicatio rhetorica* (далее — Expl. rhet.).¹⁰

Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с первой частью исследования (AD) в Pr. Hor. Положение этой части на первом месте П. Шабо объясняет тем, что логическому и диалектическому анализу принадлежит первенствующее место и в процессе познания вообще, и при восприятии литературного произведения. П. Шабо использует здесь основной категориальный и понятийный аппарат диалектики и логики, принятый в то время последователями П. Раме и прежде всего самим П. Раме, причем не только в философских, но и в филологических трудах, в его *Praelectiones Ciceronianaе* и *Praelectiones Virgilianaе*.¹¹ Этот аппарат для Шабо — инструмент исследования интеллектуального содержания и мыслительного творческого процесса изучаемого автора. Шабо постоянно соединяет проблемы логики и диалектики, но в отличие от филологических трудов Раме отграничивает этот аспект от других и исследует его с большей полнотой и глубиной. Его интересует весь путь развития горацианской мысли: способы аргументации, нахождение и расположение материала, построение частей сюзгизма в художественной ткани произведения. Он рассматривает способы амплификации, использование различных типов сопоставлений, сравнений и противопоставлений. Терминология в этой части, в основном совпадая с терминологией Раме, отличается большей детализировкой и разнообразием, чем в опубликованных *Praelectiones* П. Раме. Одним из оригинальных терминов, характерным для обоих в области аналитики, является понятие *protasis* и *apodosis*. Среди ключевых понятий у П. Шабо используются *causa*, *argumentum*, *ratio*, *locus* и др. Ж. Грассер отмечал, что П. Шабо ни одного места не оставляет необъясненным и при этом его объяснения отличаются доступностью.

В применении принципов и учения Раме к изучению Горация у П. Шабо был предшественник — датчанин Андреас Крагнус¹² (1516—1568), но он исследовал только диалектическое и риторическое искусство Горация (отделяя эти два аспекта) и рассматривал только "Age poetica" Горация даже не во всем объеме, а по 18 основным положениям, которые многие филологи выделяли в этом произведении. А. Крагнус рассматривает особенности Горация в пос-

троении силлогизмов и в способах развертывания и иллюстрации их частей. Он выявляет интересную черту художественного мышления Горация, у которого многие силлогизмы внешне неполны и рассредоточены по широкому контексту, но при этом многое само по себе ясно и достаточно для простого понимания, "а частично изложенный силлогизм часто воспринимается раньше своего полного словесного оформления". А.Крагиус, поклонник "иотинной сократической философии" (как он называл учение Раме), в отличие от П.Шабо не ставил задач собственно литературного анализа. Таким образом, и по объему исследованного материала, и по поставленным методологическим задачам А.Крагиус уступает П.Шабо, однако оба были последователями Раме, оба ставили и в различной степени решали задачу аналитического исследования художественного мира Горация.

Часть AD в Pr. Hor. интересна также тем, что сквозь призму поэзии Горация П.Шабо раскрывает энциклопедию античной культуры и ее специфический интеллектуальный мир. Он постоянно выявляет в этой части литературные мотивы и привлекает различные литературные материалы для сопоставительного изучения. Эти материалы не только интересны, но и побуждают к продолжению исследования. Рассмотрим это на примере двух од Горация - II, 20 и III, 30. В AD к оде II, 20 Шабо пишет, что она "связана, по-видимому, со стоическим парадоксом: те, чья слава не может умереть, не нуждаются в почестях погребения", и выясняет связь этого парадокса с мыслями, высказанными здесь поэтом в последней строфе. Далее П.Шабо приводит отрывок из 30-й главы речи Цицерона "Pro Milone", содержание которого свидетельствует, что идеи оды II, 20 имеют параллели в ораторской прозе Цицерона: "Если нужно было бы выбирать из всех наград за доблесть, то лучшая награда - слава: она при краткости жизни утешает нас тем, что о нас будет помнить потомство. Слава делает так, что, отсутствуя, мы присутствуем, что, умерев, мы живем, и, наконец, по ступеням славы люди, по-видимому, поднимаются на небо, поэтому меня не заботит, где будет мое тело, - ведь слава моего имени будет на всех землях и всегда будет жива".¹³

В AD оды III, 30 к словам quod non imber edax, non Aquilo

improbus possit diruere П.Шабо приводит отрывок из Пифийской (шестой) оды Пиндара, называя его источником некоторых горацианских образов "причин разрушения".¹⁴ Пиндарический источник ряда образов разрушающих сил в оде III, 30 был известен и до П.Шабо, например Дионисию Ламбину,¹⁵ но Шабо выявляет систему литературных источников "памятника" Горация. В Expl. rhet. к оде III, 30 по поводу Melior pars hominis-animae П.Шабо ссылается на Антуана Мюре, который увидел связь этой мысли с Naes ad animi mei partem pertinebunt в конце речи Цицерона "Pro Archia",¹⁶ а объясняя самое начало оды ("Делания поэта здесь возвеличиваются minorum comparatione: по сравнению с вечной и повсеместной славой поэта медные статуи более кратковечны, а пирамиды - менее заметны"), П.Шабо продолжает: «Мне кажется, что эта мысль взята из "Эвагора" Исократ: - Я, наконец, считаю прекрасными памятники, изображающие тела, но гораздо ценнее те изображения достойных дел и помыслов, которые кто-либо оставит в прекрасно написанных сочинениях».¹⁷

При внимательном чтении речи Цицерона "Pro Archia" и "Эвагора" Исократ обнаруживается, что каждое из этих произведений гораздо глубже связано с "Памятником" Горация, чем это намечено у П.Шабо и А.Мюре, однако "Pro Archia" ближе к идеям "Эвагора", чем "Памятник" Горация, а некоторые мысли Горация близки именно специфическим мыслям Цицерона в его речи. Чтобы оценить идеи, соединяющие Исократ, Цицерона и Горация, выделим группу мотивов, идущую от Исократ (в "Эвагоре"). В терминах Исократ: 1) для всех нравственно совершенных людей характерна philotimia (любовь к славе) и megaloprosuchia (величие души, в силу которого о славе они помышляют больше, чем о жизни); 2) эти люди делают все, чтобы оставить о себе бессмертную память; 3) есть два типа "прекрасной памяти" о человеке: воплощенная в изваянии и воплощенная в художественном слове, т.е. воплощенная пластически память "о природе тела" и словесно воплощенная - в деяниях и помыслах, вторая - выше и ценнее; 4) у умерших, возможно, есть какое-то ощущение того, что на Земле им воздадут почести.¹⁸ Все эти мотивы, иногда трансформированные, а возможно связанные и с другими источниками (или отчасти и с другими источниками),

присутствуют у Цицерона. Их можно отметить, например, в следующем отрывке из речи "Pro Archia" Цицерона: "Доблесть не жалеет никакой иной награды за труды и опасности, кроме награды в виде похвалы и славы... Конечно, если моя душа ничего не предчувствовала бы в будущем, если бы все свои помыслы она ограничивала пределами, в которых протекает жизнь каждого из нас, она не утруждала бы себя, не мучилась столько заботами, не боролась бы столько раз за саму жизнь. Но в каждом из нас есть та доблесть, которая дни и ночи побуждает душу стремлениями к славе и напоминает, что память о нашем имени не исчезнет с концом нашей жизни, но должна быть всегда с потомством".¹⁹ Перед нами та же тема, что и в горацянском *non omnis moriar*, но выраженная в другой форме — как надежда на "прекрасную память", и с философской преамбулой — нравственным обоснованием стремления к славе в памяти у потомства. Своеобразный "памятник", возникший в конце речи Цицерона "Pro Archia" сопоставим с "Eregi monumentum" Горация и, может быть, сыграл достаточно четкую роль в литературной истории знаменитой оды римского поэта. Одно из существенных отличий "Памятника" Цицерона от "Памятника" Горация состоит в том, что у Горация исчезает момент предположения, что после смерти он, хотя бы какой-то частью своей души, будет ощущать свою посмертную славу на земле. Гораций просто уверен, что такая слава его ожидает, так как для нее им сделано все.

В круге выявленных Шабо литературных параллелей и источников остается, как можно заметить, много неисследованного интересного материала. При этом между самими источниками часто существуют взаимные связи. Обратимся еще к одному примеру. Продолжая изучать пиндарические мотивы в "Памятнике" Горация, можно увидеть, что сравнение песен с творениями ваятеля не только дано в начале оды III,30, но и внутренне связано с темой распространения славы на земле, среди людей, как это было у Пиндара: "Я не ваятель — не таковы творения мои, чтоб стать им прикованными к подножиям. Нет. На широкой ли ладье, в малом ли челне ступай в Эгину, сладостная песня моя, с вестью, что сын Лампона Пифей, широкий силов, стяжал в Немее победный венок сугубой борьбой".²⁰ Этот же мотив, но развитый и обобщенный,

был в "Эвагоре" Исократ: "Изваяния неизменно остаются на тех основаниях, на которых они поставлены, слова же разносятся по всей Элладе и повторяются в беседах доброммыслящих людей".²¹ Изучение "Памятника" Горация в связи с кругом идей мотивов и образов Пиндара и Исократ можно было бы продолжить.

Мы рассмотрели лишь некоторые вопросы, связанные с первой частью комментария П.Шабо, и не затронули, например, случаев, когда эта часть приобретает значение самостоятельного исследования или проблемного очерка с чертами философско-филологического эссе. Труд П.Шабо был выдающимся памятником гуманистической образованности и несомненным злком в науку и педагогику. Шабо поднял в этих областях значение аналитического метода логики и диалектики, системы энциклопедических знаний и гуманитарных ценностей.

Первая часть комментария (AD) могла приобретать у Шабо значение самостоятельного очерка или исследования. Один из ярких примеров — AD к *Ep., I, 1*. Сохраняя связь с традицией горацьеведческих работ, П.Шабо отмечает, что, по наблюдениям "ученейших комментаторов", поэт осуществляет в начале этого послания "совершеннейший переход" от шутливых и более легких по содержанию произведений, таких, как оды, эподы и сатиры, к жанру более серьезному и значительному. По мнению исследователя, ход рассуждений Горация отличается последовательностью и логичностью, соответствующими "норме диалектического метода". Он прослеживает в дальнейшем искусство горацянской диалектики в последовательном развитии темы, в способах иллюстрации, в характере примеров и доказательств, способах завершения мюлей (специальной терминологии мы более не будем касаться). Одновременно П.Шабо, как всегда, отмечает связи Горация с литературной и философской античной традицией, а развивая и анализируя каждую мысль и образ Горация, сопровождает свои экспликации примерами литературного происхождения и собственными размышлениями, активно адресованными читателю. В AD к *Ep., I, 1* П.Шабо неоднократно подчеркивает значение этической проблематики Горация для нравов его времени. Рассматривая "переменчивость" и сложность, неоднозначность этических позиций римского поэта, П.Шабо утверждает, что Гораций — один из тех людей,

кто не становится рабом чужих мнений, а выбирает то, что ему подсказывает разум. Ссылками на определенные высказывания Платона, Цицерона и Сенеки П. Шабо аргументирует важный для гуманистов²² и завещанный античными мыслителями "обычай и право" свободно высказывать суждения, свободно мыслить, иметь необходимость и возможность оценивать мнения философов и самых авторитетных ученых. Как отмечает П. Шабо, размышления Горация о жизни многоплановы и сложны; так: Гораций рассматривает, например, вопрос о наслаждении как о высшем благе. Не обходясь без "христианской" критики этого учения, П. Шабо тщательно исследует, к чему более склонен Гораций. Он выявляет и уточняет его позиции, используя и другие его сочинения, замечает случаи полемики Горация с различными философскими направлениями.

Развивая мысль Горация о том, что моральная философия должна быть открыта для познания (только при этом условии она выполнит свою роль правильного наставления в жизни), П. Шабо обращает внимание на суждения древних о достаточности умеренного познания нравственной философии для исправления "наших душевных пороков". Из нескольких приводимых примеров (Сенека, Эний Неоптолем, Агеллий, Платон) он особенно выделяет и разъясняет пример из "Горгия" Платона; он считает, что идея определенной, не беспредельной, а ограниченной степени занятий нравственной философией восходит именно к этому сочинению Платона.

В ад к Ер., I, 1 ясно ощущается, что Гораций исключительно близок Шабо как просветитель и моралист. П. Шабо ценил значение идей Горация не только для его современников. Он видит значение этих идей и для своего времени. "Благочестивейший Варрон своего века", являясь истинно ренессансным мыслителем и идеологом, подчеркивает вслед за Горацием значение философской культуры в очищении и воспитании человеческой души. В этой части ад к Ер., I, 1 являются дополнительными аргументами в пользу защищаемой Шабо мысли - педагогические идеи Плу-тарха и мысли Горация, высказанные им в сатирах: нравственная философия может нас исцелить, но исцелимся мы, только если захотим. Здесь П. Шабо обращает гуманистическую мысль о том,

что учение делает человека лучшим именно к своим современникам, он знакомит читателей с "главным спором у древних философов и поэтов": что важнее - учение или природные качества человека? Античные мыслители, и в частности Сократ, - постоянные собеседники философа, моралиста и педагога Шабо.

В связи с Ер., I, 1 Шабо останавливается на проблеме определения понятия "добродетель". Он напоминает, что Лактанций, сравнивая определения *virtus* у Горация и Луцилия, считал не очень удачным определение ее Горацием *e contrario*.²³ Шабо полагает, что, определяя *virtus*, необходимо указать *actio vitii fugiendi*, - по-видимому, это лишь краткая формулировка тех определений добродетели, которые в развернутом виде были даны у Лактанция как исправление и восполнение горацианского определения *virtus*.²⁴ Здесь же П. Шабо напоминает, что Аристотель связывал всякую добродетель с понятием *mesotes*, и это не случайное указание: П. Шабо видит у Горация следы внимания к этому определению добродетели у Аристотеля.

С таким же вниманием к миру нравственных понятий, высказанных в Ер., I, 1, и такой же актуализацией горацианской проблематики, т.е. сопряжением ее с духовным миром своих современников, П. Шабо развивает мысль Горация о том, что владение добродетелью освобождает от страданий, дает возможность отказаться от беспредельных желаний и презирать богатства, почести, власть. Для гуманиста П. Шабо значение нравственной философии исключительно важно: она - "мать искусств, исцелительница души, она наше надежное и вечное владение". Важна нравственная культура душевного мира человека, путь которого к добродетели - истинно разумен и потому является источником истинного счастья и истинных богатств. Обобщая названием *pleonectes* (приобретатель) различные горацианские типы неразумных и жадных любителей богатств и почестей, П. Шабо осуждает бесчестный путь к почестям, настаивает на праве и справедливости. У человека должен быть прямой путь, чистая совесть. Так мир идей Горация, раскрываемый П. Шабо на фоне античных культурных традиций, постоянно перекрещивается с проблемами, актуальными для гуманистического сознания современников Шабо.²⁵

В философско-филологическом трактате, которым стал AD к Ер., I, 1, Шабо не только воссоздает "природный блеск" и глубину Горация - ему близки интересы и проблемы своего века, и от этического содержания Горация он легко переходит к гуманистическим ценностям своего времени.

Еще одно из интересных явлений в Pr. Hor. П.Шабо - это проблемный очерк, предшествующий En. gr. Таким очерком (может быть, уникальным) является Praefatio к Ер., II, 3, которое вместе с AD этого послания представляет собой объемное и содержательное исследование. П.Шабо напоминает, что многие выдающиеся ученые называли это произведение "О поэтическом искусстве". Но это название не исконное, не авторское. Другие видные филологи - Франческо Робертелло и Цезарь Скалигер - первый - в предисловии к изданию "Поэтики" Аристотеля, второй, по-видимому, - в своей работе Poëticae libri, VII (1561) указывали, что в рассматриваемом произведении Горация нет основных признаков жанра поэтики, нет естественного для нее порядка рассуждения: здесь скорее опровержение поэтики, и речь идет о разных искусствах; по данному произведению Горация можно сказать, что он учит настолько без какого-либо искусства, что все это близко к сатире, и, кроме того, в композиции нет ни пролога, ни эпилога, а высказываются то похвала, то хула". П.Шабо считал, что нужно руководствоваться не авторитетом имен ученых, а "добрым и правильным размышлением". В решении вопроса, как назвать это произведение, как определить его жанр, он, ссылаясь на мнение анонима и его развернутое высказывание, считал, что это прежде всего послание. Кроме того, П.Шабо предлагает последовательное сравнение с "Поэтикой" Аристотеля, в которой - тот же предмет, но совершенно другие принципы и метод. Главный вопрос, который должен быть решен при этом: нужно ли в "Поэтике", должно ли иметь в ней место определение отрицательных, гетерогенных сторон искусства, не соответствующих его природе? Так как в поэтике должны быть твердые правила, а здесь их нет, то название de arte poetica не может подходить к Ер., II, 3 в законном и полном смысле слова. Цель поэтики - наставление, объяснение однородных, истинных, свой-

ственных природе искусства свойств. Приводимые примеры из Платона, Галена, Аристотеля - мысли о том, что искусство ясно по своей природе и свободно от лжи; что объяснение достоинств не нуждается в "наставлении о пороках"; что познание недостатков должно проистекать из определения достоинств. Мысль Сенеки о том, что душу надо сначала освободить от ложных знаний, как нам кажется, не получила удовлетворительной интерпретации у П.Шабо в его исследовании эстетических установок Ер., II, 3.

На с. 911 П.Шабо высказывает мнение о том, что когда Гораций доказывает необходимость однородности произведения искусства, его единства и простоты через неприемлемость в искусстве гетерогенного, выводящего за пределы искусства, он действует "соответственно методу логики". П.Шабо делает вывод, что Гораций действительно не руководствуется авторитетом и примером Аристотеля ни в композиции, ни в отношении к аномалиям в области искусства. У Аристотеля о них говорится на втором плане и кратко. Итак, Ер., II, 3 - это не "искусство поэтики", не собственно поэтика, оно вне сочинений типа поэтики. Это прежде всего послание, характерные особенности которого, кроме моментов философского подхода, объясняются тем, что, адресуясь к Пизонам, занимавшимся поэтическим творчеством, Гораций выступает как литературный критик и друг. Он говорит о недостатках, которым подвержены поэты, а затем формулирует определенные требования. Он находит правила, общие для многих искусств.

Завершающим моментом в Предисловии (Praefatio) П.Шабо к Ер., II, 3 является пример из 23-й главы сочинения древнегреческого автора Лукиана "Как следует писать историю". Это место, где речь идет о гетерогенных ошибках в искусстве исторического повествования и необходимости выдерживать все повествование в одном тоне ("чтобы не был шлем золотым, панцирь же сшитым из каких-то смешных лохмотьев"). Выступая против "массовой беллетристики", Лукиан здесь неоднократно использует сатирический прием показа "в образах" того, как могут быть искусственно склеены разнородные и не соответствующие друг другу части в литературном произведении. Приводя этот пример, сближающий Лукиана и Горация в демонстрации гетерогенности в об-

ласти искусства, П. Шабо по существу возвращается к мысли Цезаря Скалигера о сатирическом начале в Ер., П, 3. Таким образом, привлеченные П. Шабо материалы и весь ход его рассуждений показывают, что у Горация соединяются в рамках поэтического послания философское, литературно-критическое и сатирическое начала.

Отметим некоторые стороны в содержании АД к Ер., П, 3. Изобличение недостатков искусства через показ гетерогенных примеров — это "вид диалектического рассуждения" (опять подчеркивается философское начало). Гораций выступает здесь и как литературный критик — это проявляется, в частности, в том, что он требует не отвлекаться на частности. Попутно П. Шабо применяет это требование Горация к сопоставительной оценке Вергилия и Лукана. У Лукана он находит в этом плане нарушение однородности искусства. Возражения Горация против выдвигания частных в произведении искусства П. Шабо считает соответствующим одному из основных требований диалектики. Характерная особенность П. Шабо, которая здесь проявляется очень ярко, — это постановка и рассмотрение проблем *extra causam*. Изучение античных авторов в эпоху Ренессанса постоянно было связано с задачей формирозания стиля, особенно ораторского и поэтического, именно такой подтекст имеет и та часть АД, где в связи с размышлениями Горация о гетерогенных и однородных свойствах поэтических произведений Шабо приводит пример из Вергилия, стиль которого совершенен и идеально варьируется им в зависимости от содержания его произведений. П. Шабо подчеркивает при этом, что стилистическое разнообразие похвально, если оно в пределах естественного.

И последнее, все, что исследует П. Шабо с особой углубленностью и наглядностью — это связанная с проблематикой Ер., П, 3 проблема расположения материала, порядка событий в поэтическом произведении, проблема художественного осмысления времени. На примере эпоса Гомера и Вергилия Шабо говорит о принятой в этом жанре инверсии порядка событий (иначе называемая это — *perversio* или *hysterologia*). Он отмечает, что "Ахиллеида" Цецилия Стация с ее прямым порядком изложения вызвала критику даже античных филологов. В связи с данной

проблемой П. Шабо ставит вопрос о значении эпизодов у Гомера, а далее размышляет о логической стороне художественной инверсии времени в эпосе. Инверсия возможна потому, что читатель знает мифологическую историю, или потому, что ему помогает то, что дано на втором плане. Инверсия изображаемых событий действительно приобретает художественное значение. И между тем она не соответствует логике событий. Но с ее помощью возникает особое соотношение неупорядоченного и упорядоченного. Она может показаться гетерогенной, но оказывается, что в ней много поэтической силы и красоты. П. Шабо известно, что уже античные критики (Квинтилиан) и схоластики оценили роль *hysterologiae* в эпической поэзии, ее художественное значение. Рассматривая одно место из поэм Гомера, где сначала сказано "воспитаны", а затем "рождены" (место, прокомментированное Евстафием), Шабо соединяет этот частный случай с влиянием инверсии всего плана гомеровской поэмы, с тем, что называли *prothysterion homericos*.

В итоге первого опыта изучения Fr. Ног. Пьера Шабо можно сделать ряд выводов.

1. Перед нами фундаментальный, обобщающий и новаторский труд, в котором через призму творчества Горация исследованы глубокие пласты античной культуры; не случайно Fr. Ног. называли *thesaurus philologiae amplissimus*.

2. Это произведение представляет не только исторический интерес как явление горацiana в позднеренессанской филологии, оно является неисчерпаемым источником для изучения различных аспектов творчества Горация.

3. Fr. Ног. уникальны по проникновению в интеллектуальное содержание и творческий процесс у Горация. П. Шабо не без основания полагал, что его труд может иметь значение и для изучения других античных авторов.

Примечания

¹ Praelectiones Petri Qualterii Chabotii... quibus Quinti Horatii Flacci poemata omnia triplici artificio: Dialectico, Grammatico et Rhetorico... explicantur. Basileae, 1587.

2 Есть два издания - 1595 и 1615 гг., автор статьи пользовался вторым: *Quinti Horatii Flacci opera omnia a Petro Gualterio Chabotio... triplici artificio explicata. Nunc vero a Joanne Jacobo Grassero ex ipsius Chabotii lucubrationibus manuscriptis... aucta, emendata et illustrata. Coloniae Munitionae, 1615.*

3 *Gualterius Petrus Chabotius (= Chabotius Petrus Gualterius). In Quinti Horatii Flacci poemata omnia... Expositio analytica... Basileae, 1589* (книга хранилась в ГИБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, шифр - 7.718.29, экземпляр утрачен; библиографическое описание заимствовано нами из каталогической литературы Библиотечного каталога ГИБ).

4 *Boissard J.J. Vitae virorum illustrium doctrina et eruditione praestantium // Icones virorum illustrium doctrina et eruditione praestantium... cum vitis eorum descriptis a J.J.Boissardo Vesunt. Recens in aere artificiose omnia incisa et publicata a Theodoro de Bry Leodien: II Pars. Francofurti, 1598. P. 52-72.*

5 По сообщению Ж.Буассара, *Expositio analytica* была сокращением более полного труда Шабо (*Pr. Hor.*).

6 В экземпляре имеющегося в ГИБ издания *Pr. Hor. 1615 г.* перед титульным листом сохранилась рукописная полемика об авторстве *Pr. Hor.* Из нее мы узнаем, что о Шабо как авторе *Pr. Hor.* упоминалось в словаре Байля, - возможно, имеется в виду "Dictionnaire historique et critique", несколько изданий которого относятся к XVIII в.

7 О Пьере Раме (1516-1572), его значении в истории ренессансной философии и роли в развитии гуманитарных наук и педагогики см.: *Waddington Ch. Ramus (Pierre de la Ramee). Sa vie, ses écrits et ses opinions. Paris, 1855; Ong W.J., Ramus S.J. Method and Decay of Dialogue: From the art of discours to the art of reason. Cambridge (Massachusetts), 1958; Ramus and Talon inventory: A short-title inventory of the published works of Peter Ramus (1515-1572) and of Omer Talon (1510-1562)... Cambridge (Massachusetts), 1958.*

8 Кроме анализа логического и диалектического искусства Горация здесь исследуются литературные мотивы, выявляются литературные источники и параллели.

9 В понятие "Грамматика" здесь включаются вопросы этимологии, лексики, фразеологии, некоторые вопросы синтаксиса, - все это Шабо рассматривает на широком сопоставительном материале.

10 В этой части исследуются все тропы и фигуры в каждом изучаемом произведении Горация - последовательно по всему тексту с тонкими дефинициями вариантов каждого тропа и фигуры.

11 *Petri Rami Praelectiones in Ciceronis orationes octo consulares una cum ipsius Vita, per Ioannem Thomam Fregium collecta. Basileae, 1580; Publii Virgilii <sic!> Maronis Bucolica Petri Rami... praelectionibus exposita: Editio quarta. Francofurti, 1584.* - В композиции и ряде других особенностей комментированного издания Горация Шабо, несомненно, следовал опыту и принципам Раме. Так, в *Vita Horatii* Шабо даже использовал тот же пример о Фемистокле и Серафии, который был в *Vita Virgilii <sic!>* у Раме.

12 *Kragius A. Quinti Horatii Flacci Ars poetica ad Petri Rami Dialecticam et Rhetoricam resoluta. Basileae, 1583.*

13 *Pr. Hor. P.234-235.* Перевод автора статьи.

14 "Слушайте меня! Вспахивая пашню Харит, вспахивая пашню круглолицей Афродиты, я шагаю туда... где клад песен о Пифийских победах... среди многого золота Аполлоновых дубрав. Не буревые льви, недобрим полчищем рвущиеся из туч, ни вихрь, всеуносящий смерчем, не втопчет его в провалы морей. Явленный в ясном свете, лик этих песен откроет людской молве славу колесничной победы отца твоего и рода твоего в долине Криси..." (пер. М.Л.Гаспарова), "Здесь можно отметить, что и у Пиндара речь идет о неразрушимости "сокровищницы песен". Таким образом, связь "Пемятника" Горация с данной одой Пиндара - более многосторонняя.

15 Дионисий Ламбин (1516-1572) издал в 1561 г. обширный комментарий к Горацию, отличавшийся, по мнению современников, излишней скрупулезностью и длиннотами. Комментарий переиздавался в XVI в.

16 "Это коснется моей души", - неполная и не вполне точная цитата из концовки речи Цицерона "Pro Archia". Марк Ант, ан Море (1526-1587) - крупный франко-итальянский гуманист, среди сочинений которого были комментарии к ряду античных авторов.

17 *Pr. Hor. P.340-341.* См. также: *Isocrates. Orationes quatuor <sic!> Ad Demonicum. - Evagorae laudatio. - Ad Nicoclem. - Trapezitica: In uzum invenum graecae linguae studiosorum separatim editae. Coburgi, 1790. P. 61-62.*

18 *Ibid. P. 28-29.*

19 Перевод автора статьи.

20 Из пятой немейской оды Пиндара (пер. М.Л.Гаспарова).

21 *Isocrates. Orationes quatuor... P. 62.*

22 Принцип: *Semel audita non sunt nunquam mutanda.*

23 *Lactantius L.C. Divinarum institutionum libri. VI, 5, 2, 3; - Цит. по изд.: Lactantius L.*

Coelius sive Caecilius: Opera Christophorus Cellarius recensuit, omnia. Lipsiae, 1699. P. 411-413.

²⁴ L a c t a n t i u s L.C. Divinarum institutionum libri. V, 5, 13-19.

²⁵ Непосредственно публицистическим выражением идеала "действительной добродетели" является четвертое послание Шабо, адресованное братьям Сеннетон и находящееся перед комментарием к "Посланиям" Горация. Весь комментарий к "Посланиям" Горация Шабо посвящает семье Сеннетон в память о Филиппе Сеннетоне — идеальном отце и гражданине, и, что знаменательно, ренессансном деятеле, высоко ценившем Горация и побуждавшем Шабо к его исследованию.

Т.Г.Мальчукова

О ГОРАЦИАНСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЯХ В СТИХОТВОРЕНИИ
А.С.ПУШКИНА "АРИОН"

Словосочетание "риза влажная" в заключительных строках "Ариона" не относится к традиционной поэтической фразеологии. В стихотворной речи Пушкина оно единично, что заставляет предположить в нем окказиональное новообразование или опору на конкретный иноязычный источник. В данном случае верно и то, и другое. Пушкинский образ "влажной ризы" является поэтическим эквивалентом к латинскому *uvide vestimenta* из оды Горация "К Пирре".

Цитатный характер пушкинского выражения заметили прежде всего переводчики оды Горация. До публикации "Ариона" в "Литературной газете" (№ 43 от 30 июля 1830 г.) словосочетание *uvide vestimenta* передавалось по-разному: "ризу омоченну" (В.Д.Пушкин)¹, "одежды мокры" (В.В.Капнист)², "одежды, остатки бурь" (В.Орлов)³, в подражаниях Г.Р.Державина и А.Ф.Мерзлякова оно было и вовсе опущено. В позднейших переводах и подражаниях этот образ неизменно присутствует и передается близко к пушкинскому: "ризы влажные" (А.Н.Майков)⁴, "влажные ризы пловца по совету / Повешены мной перед богом морей" (А.А.Фет)⁵, "влажные посвятил я морскому / Ризы богу могучему" (В.Я.Брюсов)⁶, "влаж-

---

© Т.Г.Мальчукова, 1992